

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-105-135

УДК 316.34 + 316.4 + 353

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ: ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ¹

Кордонский Симон Гдальевич,

*кандидат философских наук, ординарный профессор,
заведующий лабораторией муниципального управления,
заведующий кафедрой местного самоуправления факультета социальных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20
ORCID: 0000-0002-8905-3840
kordonsky@gmail.com*

Чернов Михаил Игоревич,

*председатель Правления Фонда поддержки и развития
еврейской культуры, традиций, образования и науки,
Россия, Москва, 105082, ул. Спартаковская, 14, стр. 3
jewishfund1@gmail.com*

Моляренко Ольга Андреевна,

*кандидат социологических наук, доцент,
факультет социальных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20
ORCID: 0000-0002-0488-8305
omolyarenko@gmail.com*

Плюснин Юрий Михайлович,

*доктор философских наук, доктор биологических наук, профессор,
заместитель заведующего лабораторией муниципального управления,
факультет социальных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20
ORCID: 0000-0002-9576-4921
juri.plusnin@gmail.com*

Аннотация

Статья посвящена оценке современного этносоциального потенциала территории на примере особого административного образования – Еврейской автономной области с акцентом на значение и системообразующую

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда «Хамовники» (проект № 2016-01).

роль еврейского населения. Представлена авторская концепция этносоциального потенциала территории. Этносоциальный потенциал как составная часть социального и, шире, человеческого потенциала определяется авторами как возможность и способность представителей различных этнических групп использовать этнически специфичные культурно-исторические традиции и экономические практики в качестве ресурсов для достижения целей социального развития как отдельных этнических групп, так и всего места.

Приведено описание применяемой методологии феноменологического социального исследования и качественных методов: непосредственного наблюдения и интервью. Основу результатов составляют эмпирические материалы полевых исследований. Очерчены исторические и социально-политические предпосылки формирования и современное состояние этносоциального состава Еврейской области. Основные особенности региона обусловлены, во-первых, несколькими последовательными этапами заселения пустующих территорий Приамурской низменности этнически разнородными группами населения и, во-вторых, уникальным государственным статусом еврейского народа на этой территории. Еврейский национальный район явился первым за два тысячелетия национально-государственным образованием евреев, что определяет особый характер межгосударственных отношений России с Израилем. Особенности продолжающегося заселения территории в постсоветский период также уникальны для современной России. Обсуждается конституционный статус области: автономная административная территория, представленная единственным субъектом, что обеспечивает своеобразное положение области в административно-территориальной системе Российской Федерации и делает невозможным изменение ее административного статуса без принятия новой Конституции России. Первым соавтором статьи предложена оригинальная концепция «многонационального еврейского народа», методологическую основу которой составляет его теория веерных матриц.

Ключевые слова: евреи, еврейская государственность, Еврейская автономная область, конституционный статус, административно-территориальное деление, этносоциальный потенциал, методология качественного социального исследования, веерные матрицы, концепция «многонационального еврейского народа».

Библиографическое описание для цитирования:

Этносоциальный потенциал территории: особый случай Еврейской автономной области / С.Г. Кордонский, М.И. Чернов, О.А. Моляренко, Ю.М. Плюснин // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 1. – С. 105–135. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-105-135.

Благодарности

Авторы выражают признательность за помощь в проведении полевых исследований проф. Л.Е. Бляхеру (Хабаровск), канд. экон. наук С.Н. Мишук и канд. геогр. наук И.В. Калининой (Биробиджан), а также многим биробиджанским экспертам, поделившимся ценной информацией о состоянии дел в общественно-политической, религиозной и экономической жизни местного общества.

Введение

Еврейская автономная область (ЕАО) – уникальный регион сразу по нескольким признакам: в силу особого национально-государственного статуса, исключительного административно-территориального положения, своеобразия констелляции населяющих эту территорию народов, определяющего разнообразие способов их обитания, хозяйствования и бытования, и, наконец, в силу особенностей религиозно-конфессиональных взаимодействий народов.

Существующие в настоящее время в области неформальные отношения между этническими группами евреев, русских, других русскоязычных этносов (таджиков, азербайджанцев, армян, чеченцев, представителей дагестанских народов) и наряду с этим китайцев недостаточно известны и исследованы, так же как недостаточно известен и социально-экономический потенциал местного населения, включая сохранившиеся здесь еврейские местные общины (целый ряд этих вопросов освещен в работах: [15; 33; 52, с. 17–24, с. 35–49].) При этом различия между еврейскими, русскими, таджикскими и другими общинами, по преимуществу сельскими, обусловлены не только этнонациональными, но и конфессиональными и государственно-административными факторами. Все эти факторы влияют на хозяйственно-экономическое поведение людей, предпочтение ими определенных моделей жизнеобеспечения (включая неформальные практики) и, соответственно, определяет их разный потенциал. Это ставит такую нетривиальную задачу, как оценка «внутреннего еврейского» потенциала ЕАО с точки зрения этнических (национальных) стереотипов экономического поведения и особенностей менталитета, в значительной степени «модулированных» религиозным компонентом.

Концепция этносоциального потенциала

Определим вводимый концепт «этносоциальный потенциал», формально и содержательно явно недостаточно операционализированный. Этносоциальный потенциал территории (региона) – составная часть социального и, шире, человеческого потенциала. Мы понимаем под этим возможность (possibility) и способность (capability) представителей различных этнических групп в составе местного общества использовать ресурсы разного рода (как ресурсы территории, так и внутренние ресурсы – духовные, ментальные, нравственные), используя этнически специфичные культурно-исторические традиции и экономические практики для достижения различных целей социального развития, с учетом совокупности факторов и условий, обеспечивающих функционирование и развитие местного общества и отдельных групп в его составе. Используя такую «расширенную»

дефиницию, этносоциальный потенциал можно переопределить как *экономическую и социально-политическую конкурентоспособность этнических групп, проживающих на общей территории*. (Для уточнения определения дополнительно см., напр.: [8, с. 58–67; 9; 10, с. 71–77; 25; 34; 39, с. 106–120; 43; 57; 59].)

Гипотеза исследования исходно состояла в следующем. Русские, еврейские, таджикские (преимущественно как самые многочисленные), а также китайские общины на территории ЕАО различаются не только этнически и национально-исторически, но и конфессионально и демографически, а также по их административно-государственному статусу в Российской Федерации. Следовательно, эти общины по целому ряду оснований находятся в относительной изоляции и могут иметь систему механизмов самоизоляции, обеспечивающих конкурентоспособность этих групп. Они также должны различаться жизненными (ценностными) установками и предпочитаемыми моделями хозяйственно-экономического поведения, что, в свою очередь, обуславливает различия в конкурентоспособности этих групп и, следовательно, предполагает их разный социально-экономический и политический потенциал.

Для оценки потенциала отдельных этнических групп необходимо сравнить поведение и ценностные установки представителей разных сообществ. Первый компонент, выраженный в экономическом поведении домохозяйств, может быть операционализирован в рамках концепта «модели жизнеобеспечения» [37], которая реализуется через *бытование* – повседневную организацию жизни семьи, ее быт; *хозяйствование* – совокупность хозяйственно-экономических практик, обеспечивающих выживание и благосостояние семьи; *обитание* – положение (статус) семьи в ее ближайшем социальном окружении, в локальном сообществе.

Второй компонент – жизненные ценности и установки людей разного происхождения и конфессиональной принадлежности, принадлежащих к одному местному сообществу – наилучшим образом операционализируем в рамках концепции межпоколенной трансмиссии культуры Ш. Эйзенштадта [53, с. 95–133; 55, с. 49–51], связывающей процесс формирования и изменения этнически (национально) специфичной системы жизненных целей, ценностей и социальных установок с семьей и межпоколенными отношениями. Составляющие ценностной системы человека – религиозность и смыслы жизни, предпочитаемые ценности и социальные и экологические установки – формируются прежде всего через семейные повседневные практики. В частности, это характер использования языков в билингвальных семьях, погруженность в религиозные практики (обряды) разных членов семьи, практики трудовой и общественной активности взрослых членов семьи, игровые практики детей и т. п.

Методы и эмпирический материал исследования

В основе эмпирического (полевого) исследования лежит методология качественного социологического анализа. Для получения информации были использованы несколько методов: глубинные неформализованные и экспертные фокусированные интервью, непосредственное наблюдение в местных сообществах, анализ релевантных материалов местных СМИ, анализ данных муниципальной отчетности.

Основным источником информации выступали глубинные интервью с членами домохозяйств, фокусированные на текущих проблемах жизнедеятельности отдельного домохозяйства, истории и организации жизнедеятельности членов местного общества. Интервью осуществлялось в форме непринужденной беседы на территории респондента (дома, во дворе или на общественной территории). Несмотря на то что интервью проводилось в свободной форме, вопросник включал около полусотни обязательных для обсуждения вопросов. Тематические блоки следующие: исторический, экономический (официальная работа), хозяйственный (подсобное хозяйство и промыслы), психологический, социальный, политический, этнокультурный, религиозный. Вопросник респонденту не предъявлялся. Интервью записывались на диктофон и/или в блокноте. Продолжительность составляла от получаса до одного часа (некоторые интервью продолжались два часа и более). Около половины всех проведенных интервью были неполными, поскольку не было необходимости или возможности получить ответы на все вопросы.

Дополнительным важным источником информации являлись экспертные интервью с муниципальными руководителями, общественными и религиозными лидерами, компетентными специалистами. Это позволило получить общую и детализированную информацию об истории местного общества, формировании на территории основных этнических групп населения, о качестве и характере отношений между этими группами, о современном состоянии местного общества. Экспертные интервью тематически не структурированы. Такие интервью были необходимы для общей ориентировки и выяснения важных этноисторических, социальных, экономических, политических обстоятельств жизнедеятельности местного общества.

Поскольку хозяйственно-экономическая деятельность домохозяйств в значительной степени неформальна, нередко осуществляется «в тени», основана на промыслах, не зафиксированных в местной экономике, «серых», иногда криминальных практиках, многие респонденты неохотно обсуждали такие вопросы, поэтому важным и неизменным дополнением исследования являлось непосредственное наблюдение. Наблюдение в каждом населенном пункте проводилось предварительно, а затем одновременно с поиском респондентов и проведением интервью. Выявленные поведенческие особенности людей, их хозяйственно-экономические и социальные практи-

ки, фиксируемые на территории усадеб и поселений, специфические культурные и религиозные черты регистрировались интервьюером в формате свободных развернутых описаний. Жизнедеятельность местного общества фиксировалась путем описания особенностей физических и ландшафтных элементов вмещающей среды, коммунальных, социальных, производственных и инфраструктурных элементов поселения. Особое внимание уделялось описанию центров общественной активности – общественных (публичных) пространств, созданных на территории местных обществ, в населенных пунктах и ближайших окрестностях, пространственно-временной организации деятельности людей на этих пространствах и степени включенности населения в такую активность. Мы специально выделяем такие публичные пространства, несмотря на то что многие из них дублируют инфраструктурные элементы поселений: рынки и площади, кладбища и клубы, придомовые лавочки и парки, поскольку акцент делается не на простое наличие того или иного элемента, а именно на развитие на этом пространстве какой-либо общественной деятельности – календарной, праздничной, религиозной, досуговой, рекреационной, коммуникативной, политической, коммерческой, спортивной или всех вместе взятых.

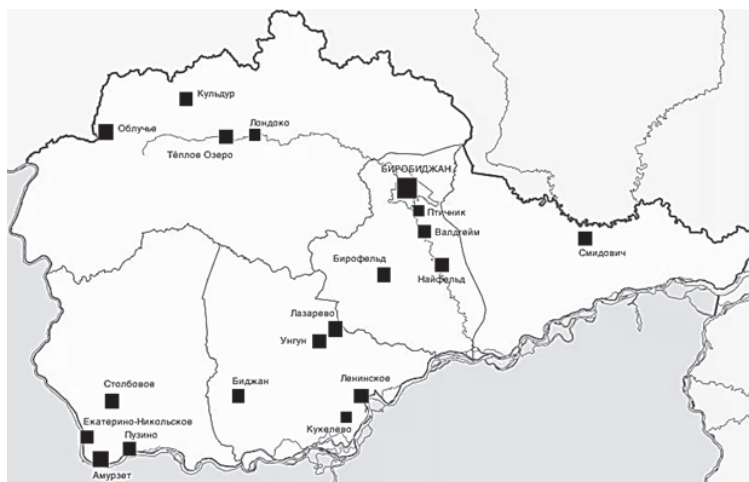
Наблюдения носили как стохастический, так и систематический (обоснованный наперед заданной схемой) характер. Мы применяли обе формы без формализации, т. е. заранее не определяя патерны поведения и виды активности, подлежащие наблюдению. В течение всего срока полевого исследования наблюдатели вели ежедневные записи в дневниках наблюдений, где в свободной форме описывали инфраструктурные особенности территории, организацию усадеб, дворов и придомовых участков, признаки и результаты хозяйственно-экономической деятельности, а кроме того, поиск людей, встречи с ними, особенности поведения людей, их внешний вид, результаты взаимодействия с ними. Более подробное описание процедуры непосредственных наблюдений см. в работе [22, с. 57–68].

Материалы собирались в процессе полевых исследований. Были проведены две экспедиции по всем районам ЕАО. Наблюдения проведены в 35 населённых пунктах области (см. рисунок). В четырех районных центрах (Ленинске, Амурзете, Облучье и Смидовичах), а также в 11 поселках и селах области были проведены интервью с экспертами – представителями власти, бизнеса, творческой интеллигенции, а также с местными жителями у них дома или в общественных местах. В Хабаровске проведены глубинные фокусированные интервью с пятью экспертами, в Биробиджане – с 18 экспертами, в райцентрах – с 13. Всего проведено 36 глубинных интервью, в том числе 16 с аудио-записью, и более 80 спонтанных интервью с простыми жителями.

Был проведен анализ региональных СМИ на основе выборок по нескольким поисковым запросам за 2015–2016 гг. Одновременно осуществлял-

ся анализ местных СМИ (районные газеты, интернет-сайты) на глубину в один-два года, и анализ местных архивных материалов (районные газеты советского и более раннего времени), что позволило получить информацию по истории местного общества, выявить причины и факторы развития тех или иных особенностей жизнедеятельности людей, специфику и конфигурацию этноконфессиональной структуры отношений. Это позволило подкрепить современные эмпирические данные для обоснования этносоциального потенциала местных сообществ и этноконфессиональных групп.

Карта-схема полевых исследований в Еврейской автономной области. Отмечены только населенные пункты, где проведены наблюдения и интервью. Указаны границы области, муниципальных районов и городского округа Биробиджан

Собирались муниципальные учетные и отчетные (подготавливаемые органами местного самоуправления для вышестоящих органов власти) материалы в открытом доступе (на сайте администрации, опубликованные в районных газетах и т. п.), а также данные государственной статистики, полученные в территориальных учреждениях органов государственной власти (центр занятости населения, центр социальной защиты и социального обеспечения населения, учреждения здравоохранения), а также в школах и учреждениях культуры. Такие материалы являлись дополнительным источником информации о состоянии местного общества.

Формирование современного этносоциального состава ЕАО

Еврейская автономная область России – первое за последние два тысячелетия и, помимо Израиля, единственное в мире еврейское государственное административно-территориальное образование. Нам представляется

актуальным вопросом об этносоциальном потенциале народа, являющегося титульным на территории и при этом составляющего в популяционном отношении исчезающее меньшинство.

Хорошо известен интеллектуальный, психологический и социально-экономический потенциал евреев, проживающих в самых разных странах [56, р. 191, 331, 468; 58, р. 345–368]. Мы исходили из предположения, что и в ЕАО, где исходно были созданы благоприятные для евреев условия национально-государственного строительства, этот народ, независимо от численности, будет характеризоваться высоким этносоциальным потенциалом, обеспечивающим консолидацию и всех других народов территории.

Территория Среднеамурской низменности, от Хабаровска до Хингана включительно, со времени Тяньцзиньского трактата 1858 г. (а возможно, и раньше [35]) оставалась почти безлюдной вплоть до начала строительства Транссиба, за исключением двух десятков пограничных казачьих станиц по левому берегу Амура [4, с. 263–267; 6; 13; 52, с. 278–320]. Территория оставалась малонаселенной и к началу XX в., несмотря на интенсивное строительство Транссиба, что, по-видимому, явилось одной из причин принятия решения о создании здесь еврейской автономной территории [23, с. 111–139; 24] (первоначально Биробиджанского национального района, а с 4 мая 1934 г. – Автономной еврейской национальной области [3, 36]).

Между тем евреи (лица иудейского вероисповедания) на территории Сибири известны с 1634 г., а к концу XIX в. их проживало на всем пространстве Сибири (включая Дальний Восток, который тогда не выделялся как отдельная территория), по разным источникам, от 40 до более 80 тысяч человек. При этом они играли важную, нередко ключевую (особенно в части, касающейся золотых промыслов) роль в экономике Сибири [14; 35; 41; 44, с. 338]. Вероятно, поэтому в советский период развитие региона в качестве административного образования осуществлялось со значительным участием еврейского этнического компонента при всегда относительно невысокой доле собственно еврейского населения, что определило специфику менталитета местного населения и социальный, политический и экономический статус региона.

Особенности развития территории в постсоветский период внесли существенные коррективы в местную социальную жизнь. Вызвано это было не только значительным оттоком еврейского населения, замещением его представителями других этносов, но и появлением на территории китайских сезонных рабочих-отходников и торговцев [2; 26–30; 32; 46; 47] (впервые после имперского периода). Происходящий последние четверть века процесс этнического замещения евреев и вселения но-

вых этнических групп (прежде всего таджиков, а также других народов постсоветских государств Средней Азии и Кавказа), ведущий к складыванию новых этносоциальных отношений и хозяйственно-экономических практик с этническим компонентом, явился еще одной причиной нашего интереса к региону.

Политико-административный статус ЕАО и этносоциальный потенциал разных групп населения

В политическом отношении ЕАО уникальна. В настоящее время это единственная автономная область в составе Российской Федерации, оставшаяся в наследство от советской административно-территориальной системы. Ее статус субъекта Федерации закреплен в одной из неизменяемых глав Конституции Российской Федерации (гл. 1. ст. 5), где фиксируется, что в составе РФ должна находиться одна автономная область. В политическом отношении это обуславливает невозможность изменения статуса региона без 1) разработки и принятия федерального конституционного закона о Конституционном собрании, 2) созыва Конституционного собрания, 3) принятия Конституционным собранием решения о необходимости разработки новой Конституции и разработки ее проекта, 4) принятия новой Конституции 2/3 голосов членов Конституционного собрания или ее принятия на всенародном голосовании (см.: Конституция Российской Федерации, гл. 9, ст. 135) [16, гл. 31, ст. 65.15]. Такое положение делает бессмысленными любые рассуждения о возвращении ЕАО в состав Хабаровского края.

С другой стороны, формально (конституционно) полноценный статус региона сочетается с его «неполноценным» административным статусом, поскольку автономная область ниже «просто области»², следствием чего оказываются все те проблемы административного торга и «весов» региональных элит, которые не позволяют соседям рассматривать власти ЕАО равноправными партнерами [18, с. 135–160].

В экономическом плане ЕАО представляет собой «дотационный регион с преимущественно ресурсной экономикой» (данные с официального сайта органов государственной власти ЕАО [36]. Экономические показатели приводятся на отчетный период 2016 г.). Налоговые доходы консолидированного бюджета ЕАО составляют приблизительно 20 %, большую их часть формирует НДФЛ с зарплат бюджетников. Валовой региональный продукт в пересчете на душу населения составляет только 60 % от среднего значения по России. Среднедушевые денежные доходы населения составили, по отчету, около 23,5 тыс. руб/мес/чел., хотя при нашем пересчете по

² Раньше полномочия регионов довольно сильно отличались в зависимости от статуса, сегодня этого практически нет, разве что у республик прав немного побольше.

заработной плате среднедушевой доход составляет только 16,5 тыс. руб./мес./чел. Однако по обороту торговли, общепиту и объёму платных услуг населения расходы составили за этот же период чуть более 17 тыс. руб./мес./чел. [36]. Иными словами, зарплатных накоплений население не имеет; вероятно, немалую часть доходов приносит неформальная и теневая занятость. Это подтверждают все респонденты, особенно в сельской местности, где у значительной части населения основные доходы – не зарплата, пенсия или пособия, а результат разнообразной промысловой активности.

Экспертная оценка этнического потенциала существенно различается в зависимости от принадлежности респондента к той или иной социальной группе. Позиции еврейского экспертного сообщества области неоднородны. Так, живущие в Биробиджане (и собирающиеся доживать там же), работающие, как правило, в бюджетном секторе респонденты среднего и старших возрастов, имеющие «еврейскую кровь» (таких больше в городе, многие евреи из сел эмигрировали в 1990-х), склонны подчеркивать значительный еврейский этнический потенциал территории, а также ее особый государственный статус. По материалам всех интервью с экспертами, относящими себя к евреям или имеющими ближайших родственников-евреев, очевидно, что они придают очень большое значение роли евреев в социальной, административной и экономической жизни региона. При этом все признают малочисленность «настоящих» евреев, хотя это сочетается с повсеместным распространением среди населения интереса к еврейским культурно-бытовым практикам, календарным праздникам и религиозным традициям.

Евреи, не связывающие свое будущее с регионом, немногочисленны (*«все хотевшие уехать давно уехали»*). Как правило, их дети и внуки проживают в Израиле, а сами они не решились окончательно на отъезд. Возможно, такому решению мешает то обстоятельство, что почти все они (из встреченных нами) не знают или очень плохо знают еврейские обычаи и традиции, не интересуются культурной и религиозной жизнью (*«... я у соседа-таджика узнаю о наших праздниках, он лучше меня знает...»*). Оценки такими людьми значимости еврейского фактора в жизни области пессимистичны. Считается, что всё лучшее было до 70-х гг., сейчас имеет место массовый исход и *«вырождение всего еврейского»*.

В то же время как по отзывам респондентов, так и по нашим наблюдениям еврейская молодежь Биробиджана намерена при первой же возможности эмигрировать, поскольку карьерных и личных перспектив не видит (едут, как правило, по льготным программам в Израиль, для первого знакомства со страной активно используется проект «Таглит»³). Такая ориен-

³ «Таглит» (открытие) – специальный проект для молодежи, нацеленный на образование и приобщение еврейского молодого поколения, не проживающего на территории Израиля, к его истории, культуре и традициям. По нему нельзя переехать, но можно бесплатно съездить на 10 дней, если тебе от 18 до 26 лет и у тебя есть «еврейская кровь».

тация молодежи повышает спрос на проводимые при новой синагоге Биробиджана курсы изучения иврита, религиозных традиций и прочее.

Высказываемая респондентами оценка перспектив области зависит и от того, с какой точки зрения (экономической, социальной, этнической) они ее оценивают, и от их индивидуальных жизненных планов. Ориентированные на жизнь в Биробиджане продвигают фактор еврейской идентичности как ключевой в финансовых отношениях с федеральным центром, да и в вопросе самостоятельности административно-территориального образования (обсуждаемое в местной прессе объединение области с Хабаровским краем повлечет «оптимизацию» государственных учреждений, в связи с чем часть населения лишится работы, а среди них значительна доля евреев).

Интересна «неоднородность» евреев как в ЕАО, так и в Хабаровском крае. В советское время в ЕАО переселялись и жили ашкенази (идиш-евреи), которые являлись относительно открытой группой, легко смешивались с местным населением, быстро ассимилировались. Их культура практически полностью утрачена. Молодежь (18–20 лет) еще помнит, как в их детстве бабушки во дворах разговаривали на идиш, но сегодня языковая практика на идиш отсутствует. При синагогах изучают иврит, и все преподносимые традиции исходят из Израиля, откуда и финансируется еврейская преподавательская деятельность в ЕАО и Хабаровском крае. Иными словами, сегодняшние яркие «еврейские» традиции на Дальнем Востоке – совсем не те, которые были распространены на этой территории до недавнего времени. В целом же еврейский потенциал области, зафиксированный нами в первом приближении, оказался весьма высоким и много выше ожидаемого при взгляде из столицы [3, с. 118, 132–133]. При этом еврейское население как в Биробиджане, так и в сельской местности не слишком озабочено вопросами сохранения и поддержания еврейских корней и тем более иудейских религиозных традиций [38]. Другими словами, потенциал еврейской части населения области велик независимо от ее относительной численности и от политической, культурной и религиозной поддержки, получаемой евреями из Израиля.

В области сейчас сильно ощущается присутствие и влияние иноэтнических – прежде всего среднеазиатских и кавказских – групп. Много таджиков, причем, по словам наших экспертов-таджиков, традиция иммиграции таджиков в регион насчитывает уже более четверти века. По данным С.Н. Мицук, основные иноэтнические группы в ЕАО – таджики, азербайджанцы, армяне, есть немногочисленные группы чеченцев и цыган [26, 28]. Азербайджанцы представлены преимущественно на юге области – в Амурзете, Ленинском, Биджане, Бабстово; армяне – на северо-западе – в Облучье, Известковом, Теплоозёрске, а таджики концентрируются преиму-

щественно в районе Биробиджана (на востоке области проживают и те, и другие, и третьи).

Не только местные эксперты, но и все опрошенные при случайных встречах местные жители этих национальностей отмечают благоприятный нравственно-психологический климат в межнациональных отношениях, считают проживание на территории области наилучшим для малочисленных этнических групп сравнительно с другими регионами России. Причину этого не только они, но и местные русские и евреи видят в том, что территория области несколько веков была совершенно незаселенной, и только с середины XIX в. стала заселяться русскими казаками, а следующая незначительная волна заселения пришла спустя полвека во время строительства Транссибирской магистрали. Вслед за тем наступили периоды еврейского и «индустриального» заселения территории, но и до настоящего времени численность и плотность населения остается очень низкой, область практически не заселена, здесь много пустующих территорий. Длительное пустование земли и сегодняшняя всё еще низкая плотность населения позволяют рассматривать ЕАО в качестве «локального плавильного котла» – весьма перспективной территории для освоения мигрантами.

Сравнительная легкость получения гражданства Российской Федерации по программе переселения соотечественников на территории ЕАО способствует быстрому нарастанию численности таджиков, армян и азербайджанцев. Численность армян и азербайджанцев невелика, но они представлены преимущественно предпринимателями-строителями и коммерсантами (что значительно повышает их действительный потенциал в составе местного общества); численность таджиков существенно выше, но среди них, помимо торговцев, велика доля неквалифицированных работников, которые активно привлекаются уже осевшими, местными таджиками.

Отношение к китайскому фактору у экспертов неоднозначно. Одни респонденты видят в нем угрозу (прежде всего истощения расположенных на юге области сельскохозяйственных земель, что, впрочем, вполне обоснованно [11, 30]); другие считают, что угроза переоценена. Китайцы арендуют земли с полного согласия местного населения, потому реально конфликтов нет. Численность китайцев в регионе, получивших временные визы в 2015 г., составила менее одной тысячи человек, при том что сезонных рабочих-китайцев, привлекаемых на 2-3 месяца для уборки сои, не более 10...15 тысяч человек (около 0,5 % от численности населения в первом случае и около 5...7 % во втором [31]).

В разговорах с простыми жителями, особенно в южных приграничных селах, никакой тревоги по поводу нахождения в районе китайских сезонных рабочих не ощущается. Жители приграничных сел и станиц давно

установили приятельские, дружеские и даже родственные связи с китайцами с той стороны Амура. Эти добрососедские связи распространяются также на религиозные отношения (у нас есть не подкрепленное фактами предположение, что намерение китайцев построить на правом берегу Амура синагогу обусловлено наличием в провинции Хэйлуунцзян китайских евреев). Немало связей установлено в экономической области. В интервью с китайским предпринимателем «Мишей», создавшим два крупных агропредприятия в Ленинском районе, указывается, что китайские предприниматели тесно сотрудничают и с властями района, и с местными фермерами, и с представителями малого и среднего бизнеса. Такую оценку подтверждают и сами местные бизнесмены.

Напротив, анализ региональных СМИ по поисковому запросу «китайцы» за период с января 2010 г. по апрель 2016 г. показывает, что местные СМИ уделяют много внимания китайскому фактору в разнообразных контекстах, и один из главных – «страшилки» о «китайской угрозе». Ее видят и в захвате китайцами сельхозземель, и в порче сельхозугодий ядохимикатами и монокультурой (соей), и в загрязнении пограничных рек, и в браконьерстве ценных «краснокнижных» животных, и в контрабанде запрещенных к ввозу и вывозу материалов, и в захвате местных рынков и торговли. Дело доходит до того, что китайцев обвиняют даже в появлении на территории змей. Примечательно, что негативные и алармистские оценки влияния «китайского фактора» присутствуют как в региональных СМИ, так и у московских и некоторых хабаровских экспертов, которые существенно хуже знакомы с реальной ситуацией в области, но таких оценок нет у биробиджанских экспертов [2, 7, 46]. Очевидно, это несоответствие экспертных оценок обусловлено до сих пор переживаемым опытом «желтой опасности» (специально об этом см. [11]). Возможно, СМИ специально педалируют «китайскую угрозу», чтобы было легче выбивать у федерального центра деньги на ее нейтрализацию: на усиление охраны границ, поддержку местного населения и т. п.

Методологические и содержательные проблемы определения численности евреев

При ничтожно малой статистической численности евреев в ЕАО количество людей, в ходе опросов и собеседований в той или иной степени причисляющих себя к евреям или демонстрирующих родственные связи с ними, оказывается существенно более высоким. Этнические самоидентификации жителей ЕАО представляются весьма расплывчатыми – от признания себя «еврейцами» (т. е. жителями области) до отказа определять себя в терминах устоявшихся этнических идентификаций. При этом существенная часть (до четверти обследованных) жителей так или иначе

прослеживает генетические (кровные) и родственные связи с евреями, хотя и определяют себя как русских, казаков и т. д.

С нашей точки зрения, самоидентификация (идентичность) является ключевой характеристикой при определении модуса существования социальной группы. Людей можно делить на группы произвольными способами, например, как в «паспортичках» социологических анкет, однако социальная группа становится агентом социальных и политических процессов только при условии совпадения внешнего ее определения и самоидентификации ее членов. Определение людей как евреев (по записи в свидетельстве о рождении и других документах) может совпадать с самоидентификацией человека как еврея, но может и не совпадать.

Евреи в рамках советской национальной системы являлись в ЕАО титульной нацией. В СССР принадлежность к евреям (как и к иным этносоциальным группам) определялась «по крови», что фиксировалось записью в свидетельстве о рождении, в паспорте и военном билете. Титульные нации были приписаны к определенным территориям и по своей природе были этносословиями [20], т. е. группами, создаваемыми государством в рамках сталинской теории наций в определенных административных и квазигосударственных границах [48; 50, с. 10–45]. Лишение этносословия территории переводило его в статус «репрессированных народов», что влекло для его членов ограничения в ареале проживания, в возможностях передвижения, получения работы и прохождения обучения [4]. Этносословная природа социалистических наций описана, например, в работах Р. Вахитова на примере этносословия «башкиры» [5].

В постсоветской социальной и политической практике, несмотря на отсутствие «пятого пункта» в паспорте⁴, продолжается всё та же советская этносословная политика, направленная на консолидацию титульных этносословий в административных границах субъекта Федерации, одновременно с титульным этносословием. В этих границах члены этносословий пользуются преференциями и льготами, а кадровая политика региональной власти направлена на то, чтобы властные должности замещались представителями титульного этносословия. В Татарии власть персонифицирована татарами, в Бурятии – бурятами, а в Еврейской автономной области – евреями. Но в социальной практике и в быту действуют не только официальные критерии отнесения человека к той или иной этносословной группе. Этносословная самоидентификация по вероисповеданию,

⁴ Запись в 5-й графе во внутреннем паспорте гражданина СССР, фиксирующая его национальную принадлежность в соответствии с происхождением, т. е. с «национальностью» отца, матери и/или более старших родственников, которая определялась родителями или опекунами либо, в более сложных случаях, государственными органами. В советских паспортах раннего периода национальность индивида фиксировалась в соответствии с записями первой Всероссийской переписи населения 1926 г. и могла не совпадать с самоидентификацией.

территории проживания, семейному положению и многим другим критериям где-то совпадает (в той или иной степени) с официальными этносословными критериями, где-то нет. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть список этнических самоидентификаций, фиксируемых переписчиками в ходе переписи населения [33]. Перепись 2010 г. в этом отношении аналогична первой советской переписи 1926 г. [51].

В этом разделе выделяются и описываются практикуемые критерии определения принадлежности человека к той или иной этнонациональной группе и возможные варианты этносословной самоидентификации. Используется формальный аппарат «веерные матрицы» [19], одним из свойств которого является возможность сопоставлять и сопрягать разные способы классификации, в данном случае этнической и этносословной [17, 21].

Рассмотрим сначала три возможных критерия классификации советских людей по национальности: генетический (по «крови»), социально-психологический (по самоидентификации) и этносословный (по записи в советских документах – свидетельстве о рождении, паспорте, военном билете). Мы исходим из того, что каждому критерию классификации соответствует специалист, фиксирующий выделяемую категорию. В соответствии с методологией «веерных матриц» [1, 21] генетический критерий классификации реализует генетик в широком смысле этого термина, т. е. специалист по изучению наследственных механизмов и наследования: поп, мулла, раввин, сделавшие запись при рождении ребенка. Социально-психологический критерий реализуют социальные психологи, специалисты по идентичности и самоидентификации: старшие родственники, церковники и т. п.; этносословный критерий реализуют чиновники. Эти критерии и соответствующих специалистов представим как порождающие элементы веерной матрицы в табл. 1. Заполним эту таблицу, основываясь на предположении, что каждый специалист при описании одноименного уровня таблицы использует соответствующую область знания: специалисты по происхождению руководствуются (одновременно формируя ее) своеобразной генетикой, социальные психологи – социальной психологией, чиновники – административной (сталинской) теорией наций.

Рассмотрим столбец «Специалисты по происхождению». Эти специалисты, опираясь на свою область знания (назовем ее сугубо условно «генетикой») и используя ее различия, «вторгаются» в предмет социальных психологов, когда начинают исследовать связи между самоидентификацией и происхождением. В результате таких исследований фиксируется исследовательский и социальный феномен – статус, которому соответствуют люди, считающие себя (самоидентифицирующиеся) евреями и одновременно являющиеся евреями, с точки зрения специалистов, по происхождению (см. табл. 1, второй столбец слева, третья ячейка сверху).

Таблица 1

Взаимодополняемость критериев отнесения к евреям

Специалисты Критерии	Специалисты по происхождению	Социальные психологи	Специалисты по этносословиям – российские чиновники
Критерии происхождения	Генетическая теория наций	Евреи по происхождению, не обладающие еврейской самоидентификацией	Евреи по происхождению, но не по паспорту или иному советскому документу (криптоевреи)
Критерии самоидентификации	Люди, считающие себя евреями по происхождению	Социальная психология	Евреи по самоидентификации, не считающиеся евреями по этносословным критериям
Критерии этносословной принадлежности	Евреи по паспорту (или иным этносословным критериям) и по происхождению	Евреи по паспорту (или иным этносословным критериям), считающие себя евреями	Сталинская теория наций как этносословий

В то же время возможны (и наблюдаемы) случаи, когда евреи по происхождению не обладают еврейской идентичностью и не считают себя евреями.

Если специалисты по происхождению обращают свой исследовательский или экспертный интерес на этносословные критерии, то выделяют феномены «евреи по паспорту или иному документу, являющиеся евреями по происхождению» и «неевреи по паспорту или иному документу, являющиеся евреями по происхождению».

Рассмотрим последний столбец в табл. 1 – этносословные (государственные) критерии. При использовании этносословных критериев происхождения чиновники выделяют феномен «евреи по происхождению, но не по паспорту или иному советскому документу (криптоевреи)».

При исследовании самоидентификации чиновники выделяют феномены «людей, которые считают себя евреями, но не являются евреями по паспорту».

Таким образом, опираясь на теории происхождения (генетические теории), евреев можно рассматривать как совокупность следующих четырех групп:

- 1) евреи, считающие себя евреями по происхождению;
- 2) евреи по паспорту (или иным этносословным критериям) и по происхождению;

3) евреи по происхождению, не обладающие еврейской самоидентификацией;

4) евреи по происхождению, но не по паспорту или иному документу (криптоевреи).

Если основываться на социально-психологических критериях, то евреев можно рассматривать как совокупность других четырех групп:

1) евреи по происхождению, не обладающие еврейской самоидентификацией;

2) евреи по паспорту (или иным этносословным критериям), считающие себя евреями;

3) люди, считающие себя евреями по происхождению, хотя другие не считают их таковыми;

4) евреи по самоидентификации, не считающиеся евреями по этносословным критериям.

Если основываться на этносословной теории (сталинской теории наций), то евреев можно рассматривать как совокупность следующих четырех групп:

1) евреи по происхождению, но не по паспорту или иному советскому документу (криптоевреи);

2) евреи по самоидентификации, не считающиеся евреями по этносословным критериям;

3) евреи по паспорту (или иным этносословным критериям) и по происхождению;

4) евреи по паспорту (или иным этносословным критериям), сами считающие себя евреями.

При определении численности евреев эксперты, как правило, руководствуются лишь какой-то одной теорией. Естественно, численность евреев, определенная по разным критериям (например, в рамках этносословной или генетической теорий), не совпадает.

Численность евреев в ЕАО определяется сейчас, по-сути, по этносословным критериям, хотя формально (например, при переписях населения) и предложено определять свою национальность самостоятельно; по нашим наблюдениям, если опираться на социально-психологические или генетические теории, численность евреев оказывается существенно большей.

Критерии отнесения человека к еврейской национальности могут опираться не только на генетические, социально-психологические и этносословные теории. В частности, введение критериев, которые используют религиоведы, специалисты по корпорациям и специалисты по семьям, продемонстрировано в табл. 2, из которой следует, что численность евреев можно определять еще и иными методами.

Таблица 2

Дополнительные критерии определения евреев

Специалисты	Специалисты по происхождению	Социальные психологи	Специалисты по этнословослиям – российский чиновники	Религиоведы	Специалисты по корпорациям	Специалисты по семьям
Критерии происхождения	<i>Генетическая теория</i>	Евреи по происхождению, не обладающие еврейской самоидентификацией	Евреи по происхождению, но не по паспорту или иному советскому документу (криптовсереи)	Евреи по происхождению, исповедующие иудаизм (христианство, католицизм и пр)	Евреи по происхождению, принадлежащие к разного рода корпорациям (общинам, территориальным и иным)	Евреи по происхождению в семьях
Критерии самоидентификации	Люди, считающие себя евреями по происхождению	<i>Социальная психология</i>	Евреи по самоидентификации, не считающиеся евреями по этнословослиям критериям	Люди, прошедшие гнор и считающие себя евреями	Евреи по самоидентификации, объединенные в корпорации, принадлежащие к разным течениям иудаизма	Евреи по самоидентификации, члены семей
Критерии этнословослия принадлежности (по сталинской теории наций)	Евреи по паспорту (или иным этнословослиям критериям) и по происхождению	Евреи по паспорту (или иным этнословослиям критериям), считающие себя евреями	<i>Сталинская теория наций как этнословослия</i>	Люди, являющиеся (или нет) евреями по паспорту, исповедующие иудаизм или другие религии	Евреи по паспорту, объединенные в разного рода корпорации	Евреи по паспорту, члены семей
Критерии религиозной принадлежности	Евреи по вероисповеданию и по происхождению	Евреи по вероисповеданию, считающие себя евреями	Евреи по вероисповеданию, принадлежащие к словослиям евреев по паспорту или не принадлежащие	<i>Теории иудаизма и сионизма</i>	Евреи по вероисповеданию, объединенные в корпорации – течения в иудаизме	Евреи по вере, члены семей
Критерии корпоративной принадлежности	Корпорации евреев по крови	Корпорации евреев по самоидентификации (общины)	Корпорации евреев по паспорту	Корпорации евреев по вере (течения иудаизма)	<i>Теории корпораций</i>	Члены семей, принадлежащих к еврейским корпорациям
Уровень семей	Семьи, в которых один или несколько членов – евреи по крови	Семьи, у членов которых есть (или нет) еврейская самоидентификация	Семьи, один или несколько членов которых евреи по паспорту	Семьи, члены которых исповедуют иудаизм	Семьи, члены которых входят в еврейские или иные общины	<i>Теория семьи и рода</i>

Возьмем для примера строку «Этносословная принадлежность» и столбец «Специалисты по этносословиям – чиновники». Тогда список групп евреев будет выглядеть следующим образом:

- 1) евреи по происхождению, но не по паспорту или иному советскому документу (криптоевреи);
- 2) евреи по самоидентификации, не считающиеся евреями по этнословным критериям;
- 3) евреи по вероисповеданию, принадлежащие к этнословию евреев по паспорту или не принадлежащие;
- 4) корпорации евреев по паспорту;
- 5) семьи, один или несколько членов которых евреи по паспорту;
- 6) евреи по паспорту (или иным этнословным критериям) и по происхождению;
- 7) евреи по паспорту (или иным этнословным критериям), считающие себя евреями;
- 8) люди, являющиеся (не являющиеся) евреями по паспорту, исповедующие иудаизм или другие религии;
- 9) евреи по паспорту, объединенные в разного рода корпорации;
- 10) евреи по паспорту, члены еврейских семей.

Выбор других столбцов и строк таблицы задаст другие этнические группы в рамках одного и того же социума. В рамках принятых различий количество таких групп равно 30. Естественно, что численность евреев, основанная на критериях самоидентификации, будет существенно отличаться от численности евреев, основанной на критериях происхождения, вероисповедания и иных.

Описанная выше методика сопоставления численности этносов, исходя из принципа взаимодополнительности различных критериев их определения, может быть использована на практике для построения соответствующих исследовательских программ как в ЕАО, так и в государстве Израиль, где количество возможных оснований для внешней идентификации и самоидентификации существенно больше.

Вполне возможно проведение эмпирических исследований с диагностикой действующих критериев внешней идентификации и самоидентификации, их количественного определения и построения численных моделей этносоциальной структуры этнически разнородных социумов.

Заключение

Попытка оценить этносоциальный потенциал методами непосредственного наблюдения и глубинного интервью, предпринятая нами на примере уникального по многим признакам региона, дает основания полагать, что для его определения местное общество может быть диф-

ференцировано по нескольким критериям: истории заселения и освоения отдельных частей территории; хозяйственно-экономической активности; положению, занимаемому представителями групп в экономике региона и неформальной промысловой активности; социально-бытовым факторам; культурно-религиозной и социально-политической активности.

Наши эмпирические материалы позволяют утверждать, что в конкретной ситуации многонационального взаимодействия на общей территории выделяется несколько социальных групп: прежде всего «пограничники» и староверы (хотя материалов по ним недостаточно), в существенно меньшей степени местные казаки. Потенциал первых обеспечивают их высокая хозяйственно-экономическая и промысловая активность и развитые механизмы самоизоляции, чего нельзя сказать о современных казаках. В случае этнических групп сравнительно высокий потенциал – также по основаниям экономической активности – демонстрируют представители армянского, азербайджанского и таджикского народов, причем потенциал последних представляется более выраженным в силу их высокой религиозной и социальной активности, проявляющихся в тенденциях включения в местное общество во всех сферах.

На этом общем фоне выделяется еврейский этнос, потенциал которого обеспечивают как политико-административная база, так и международная поддержка, а также возросшая в последние десятилетия религиозная активность. Позитивную роль играют, вероятно, и фактор широкой представленности евреев в административно-управленческих структурах и бюджетных организациях региона, и ассимиляционные тенденции, весьма характерные для евреев области. Такие наблюдения позволили сформулировать и обосновать оригинальную концепцию «многонационального еврейского народа», в рамках которой выдвинуто утверждение, что самоидентификация, фиксируемая исключительно переписью, является совершенно недостаточным источником определения численности евреев. Именно поэтому «еврейцев» в ЕАО значительно больше, чем евреев по самоидентификации и иным ограничительным признакам, зафиксированных переписью населения.

Литература

1. Кордонский С., Бардин В. О поиске информации в совокупностях текстов, представляющих картины мира. – Вашингтон: РусГенПроект, 2010. – 62 с.
2. Бляхер А.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. – 2004. – № 5. – С. 28–39.
3. Бляхер А.Е., Пегин Н.А. Биробиджан: между «потемкинской деревней» и nation-building // Полития. – 2011. – № 1 (60). – С. 117–134.

4. Бровка П.Ф., Пономарев С.А. Г.И. Невельской: Амурская экспедиция и решение пограничного вопроса на востоке России // Вестник ДВО РАН. – 2013. – № 6 (172). – С. 257–267.
5. Вахитов Р. Национальный вопрос в сословном обществе. Этносословия современной России: сборник статей. – М.: Страна ОЗ, 2016. – 224 с.
6. Дауышев В.Г., Модоров Н.С. Из истории освоения Русским государством Приамурья в первой половине XVII века // Мир Евразии. – 2012. – № 2–4. – С. 72–78.
7. Доклад о миграционной ситуации в Еврейской автономной области, основных результатах деятельности ОФМС России по Еврейской автономной области за 2015 г. – Биробиджан: ОФМС России по Еврейской автономной области, 2016. – 41 с.
8. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 1995. – М.: Academia, 1996. – С. 58–67.
9. Доктрина развития Северо-Запада России. – СПб.: Corvus, 2001. – 36 с.
10. Социальный потенциал региона как фактор развития северных территорий / А.А. Дрегалло, В.И. Ульяновский, В.В. Брызгалов, В.И. Крикуненко, Т.П. Шехина. – Архангельск: Изд-во СГМУ, 2008. – 400 с.
11. Дятлов К.И. Синдром «желтой опасности» в дореволюционной России: экзотизация как механизм дегуманизации и исключения // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. – Иркутск: Отгиск, 2013. – С. 526–555.
12. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант: информационно-правовое обеспечение. – URL: <http://base.garant.ru/10200365/#ixzz5RYeDH5SF> (дата обращения: 23.10.2018).
13. Казанцев В.П. Российская империя на Тихом океане. Дальневосточная административная политика правительства в 50–70-е гг. XIX в. // Клио. – 2012. – № 6 (66). – С. 61–68.
14. Кальмина Т.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX века – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Иркутский гос. ун-т. – Иркутск, 2003. – 585 с.
15. Каранов Д.П. Мигранты и принимающее общество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Политика. – 2013. – № 1 (68). – С. 24–35.
16. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. – URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (дата обращения: 23.10.2018).
17. Кордонский С.Г. Вариант исчисления административных весов в исполнительной и представительской иерархиях власти // Кентавр. – 1995. – № 2–3.
18. Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. – М.: ОГИ, 2000. – 240 с.
19. Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. – М.: Пантори, 2001. – 176 с.

20. *Кордонский С.Г.* Сословная структура постсоветской России. – М.: Общественное мнение, 2008. – 213 с.
21. *Кордонский С.* Веерные матрицы как инструмент построения онтологий. – Вашингтон: Юго-Восток, 2011.
22. *Кордонский С.Г., Плюшин Ю.М., Морзунова О.М.* Обучение наблюдением: студенты в исследовательском процессе // Вопросы образования. – 2010. – № 4. – С. 54–69.
23. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2003. – 784 с.
24. *Костырченко Г.В.* Проект 1944 года «Еврейская республика в Крыму»: легенды и реалии // Исторические чтения на Лубянке, 2007. – М.: Кучково поле, 2008. – С. 144–161.
25. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРСС, 2000. – 368 с.
26. *Мищук С.Н.* Современные миграционные процессы на Дальнем Востоке (на примере Еврейской автономной области) // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 50–57.
27. *Мищук С.Н.* Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке середины XIX в. – начала XXI в.: факторы, динамика, результаты // Известия РАН. Серия географическая. – 2013. – № 6. – С. 33–42.
28. *Мищук С.Н.* Мигранты и принимающее сообщество: региональный аспект (на примере Дальнего Востока России). – Биробиджан: Изд-во ИКАРП ДВО РАН, 2014. – 218 с.
29. *Мищук С.Н.* Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию (на примере Дальневосточного федерального округа) // Экономика Региона. – 2014. – № 2. – С. 194–201.
30. *Мищук С.Н.* Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока России // Известия РАН. Серия географическая. – 2016. – № 1. – С. 38–48.
31. *Мотрич Е.А., Найден С.Н., Мищук С.Н.* Демографические реалии и социальные перспективы регионов Дальнего Востока и Забайкалья // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 1 (195). – С. 84–94.
32. *Мищук С., Тайорова М., Беспалова Н.* Переселение соотечественников в Дальневосточный федеральный округ: проблемы и их решения // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 2. – С. 54–61.
33. Национальный состав населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.google.com/viewer?url=http%3A%2F%2Fwww.perepis2002.ru%2Fct%2Fdoc%2FTOM_04_01.xls (дата обращения: 24.10.2018).
34. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А.М. Шелехова. – М.: Наука, 2002. – 161 с.
35. *Островский Ю.* Сибирские евреи. – СПб.: [б. и.], 1911. – 62 с.

36. Официальный портал органов государственной власти Еврейской автономной области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eao.ru/o-eao/eao-v-tsifrakh/> (дата обращения: 24.10.2018).
37. Плюснин Ю.М. Многообразие простоты: системы жизнеобеспечения сельского населения России в период кризиса общественной жизни // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып. 3. – С. 63–68.
38. Примак П.В. Возрождение еврейской культуры в Еврейской автономной области в конце XX – начале XXI в. – Биробиджан: Изд-во ДВГСГА, 2006. – 81 с.
39. Прокопало О.М. Региональные сравнительные потенциалы социально-экономического развития // Регион: экономика и социология. – 2000. – № 2. – С. 146–155.
40. Ресурсный потенциал экономического роста / под ред. М.А. Комарова, А.Н. Романова. – М.: Путь России, 2002. – 567 с.
41. Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. – 1 четв. XX в.). – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. – 256 с.
42. Романова Р.Е., Клюева В.П. Евреи [Электронный ресурс] // Историческая энциклопедия Сибири. – Иркутск, 2009. – URL: http://irkipedia.ru/content/evrei_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 24.10.2018).
43. Самоукин А.П. О содержании понятия «потенциал общества» // Методология статистического изучения социально-экономического потенциала: сборник статей. – М.: Экономика, 1986. – С. 5–12.
44. Сибирь: атлас Азиатской России. – Новосибирск; М.: Феория, 2007. – 720 с.
45. Соловченков С.А. Село юга Дальнего Востока: последствия 20 лет преобразований // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 4. – С. 99–107.
46. Соловченков С.А., Бляхер Л.Е. Специфика трансформации рынка труда депрессивного региона (на примере Еврейской автономной области) // Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – Вып. 1, ч. 2. – С. 134–147.
47. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1860–1917 гг.). – М.: Наука, 1989. – 127 с.
48. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1946. – Т. 2. – С. 290–367.
49. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX в.). – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – 307 с.
50. Филиппов Р.В. Сталинская «теория нации». Теоретико-методологические основания «советской теории этноса» // Филиппов Р.В. «Советская теория этноса»: историографический очерк. – М.: Институт Африки РАН, 2010. – Гл. 1. – С. 10–45.
51. Цуцнев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: Европа, 2006. – 128 с.

52. *Шумахер П.В.* К истории приобретения Амура. Сношения с Китаем с 1848 по 1860 год [Электронный ресурс] // Русский архив. – СПб., 1878. – Т. 11. – С. 267–352. – URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book406320/#page/351/mode/1up> (дата обращения: 24.10.2018).
53. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 416 с.
54. *Юхнева Н.* Между традиционализмом и ассимиляцией (о феномене русского еврейства) // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 160–178.
55. *Eisenstadt S.N.* Von Generation zu Generation: Altersgruppen und Sozialstruktur. – München: Juventa, 1966. – 367 p.
56. *Jensen A.R.* The g factor: the science of mental ability. – Westport, Conn.; London: Praeger, 1998. – 664 p. – (Human evolution, behavior, and intelligence).
57. Human development and the international development strategy for the 1990s / ed. by K. Griffin, J. Knight. – London: Palgrave MacMillan UK, 1990. – 258 p.
58. *MacDonald K.* Indoctrination and group evolutionary strategies: the case of Judaism // Ethnic conflict and indoctrination: altruism and identity in evolutionary perspectives / ed. by I. Eibl-Eibesfeldt, F.K. Salter. – New York; Oxford: Berghahn Books, 1998. – P. 345–368.
59. *Spangenberg J.H.* Economic sustainability of the economy: concepts and indicators // International Journal of Sustainable Development. – 2005. – Vol. 8, N 1–2. – P. 47–64.

В цикл статей, исследующих этносоциальный потенциал уникального образования – Еврейской автономной области, входят также следующие статьи, опубликованные в этом же номере «Идей и идеалов»:

Чернов М.И. Еврейские общины и «еврейский фактор» в Еврейской автономной области;

Плюснин Ю.М. Территория общественного благополучия. Взаимодействие этносоциальных групп в Еврейской автономной области;

Бляхер Л.Е. Кто такие «еврейцы», или опыт культурного синтеза на Амуре.

Статья поступила в редакцию 08.04.2018 г.

Статья прошла рецензирование 16.05.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-105-135

ETHNO-SOCIAL POTENTIAL OF THE TERRITORY: A SPECIAL CASE OF THE JEWISH AUTONOMOUS REGION

Kordonsky Simon,

*Cand. of Sc. (Philosophy), Tenured Professor,
Head of the Laboratory of Municipal Administration,
Head of the Department of Local Government,
Faculty of Social Sciences,
National Research University "Higher School of Economics",
20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8905-3840
kordonsky@gmail.com*

Chernov Mikhail,

*Chairman of the Board of the Fund for the Support and Development
of Jewish Culture, Traditions, Education and Science,
14, B-3, Spartakovskaya St., Moscow, 105082, Russian Federation
jewishfund1@gmail.com*

Molyarenko Olga,

*Cand. of Sc. (Sociology), Associate Professor,
Faculty of Social Sciences,
National Research University "Higher School of Economics",
20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0488-8305
omolyarenko@gmail.com*

Plusnin Juri,

*Dr of Sc. (Philosophy), Dr of Sc. (Biology), Professor,
Deputy Head of Laboratory of the Municipal Administration,
Faculty of Social Sciences,
National Research University "Higher School of Economics",
20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9576-4921
juri.plusnin@gmail.com*

Abstract

The paper estimates the modern ethno-social potential of the administrative territory – the Jewish Autonomous Region, highlighting the importance and system-forming role of the Jews. The first introductory article of the cycle presents the author's concept of the ethno-social potential of the territory. Ethno-social potential is an integral part of social and, more broadly, human potential. The concept is defined by the authors as the possibility and ability of representatives of various ethnic groups to use ethnically specific cultural and historical tradi-

tions and economic practices as resources for achieving the goals of social development of both individual ethnic groups and the entire local society.

The authors describe the methodology of phenomenological social research. The main qualitative methods are immediate observation and interview. The results are based on the empirical materials of field research. The article outlines the historical and socio-political prerequisites of the formation and current state of the ethno-social composition of the Jewish region. The main reasons for the uniqueness of the region are, firstly, in several successive stages of the settlement of the empty areas of the Amur lowland by ethnically diverse populations. Secondly, the unique state status of the Jewish people in this territory does matter. The Jewish national district has been the first nationwide state formation of Jews for two millennia that defines a special nature of the interstate relations between Russia and Israel. The settlement of the territory continues in the post-Soviet period. This is also a unique experience for modern Russia. The constitutional status of the region is being discussed. Autonomous administrative territory is represented by the only subject of the Russian Federation. This provides a unique position of the region in the administrative-territorial system of the Russian Federation. The consequence of this is the impossibility of changing this status of the Jewish Autonomous Region without changing the Russian Constitution. The first co-author of the article (S.G. Kordonsky) proposed the original concept of “multinational Jewish people”, the methodological foundation of which is his “fan matrices theory”.

Keywords: Jews, Jewish statehood, Jewish Autonomous Region, constitutional status, administrative and territorial structure, ethno-social potential, methodology of qualitative social research, fan matrices, concept of “multinational Jewish people”.

Bibliographic description for citation:

Kordonsky S., Chernov M., Molyarenko O., Plusnin Ju. Ethno-social potential of the territory: a special case of the Jewish Autonomous Region. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 1, pp. 105–135. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-105-135.

Reference

1. Kordonsky S., Bardin V. *O poiske informatsii v sovokupnostyakh tekstov, reprezentiruyushchikh kartiny mira* [On the search for information in the totality of texts that represents the picture of the world]. Washington, RusGenProekt Publ., 2010. 62 p.
2. Blyakher L.E. Politicheskie mify Dal'nego Vostoka [Political myths of the Far East]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*, 2004, no. 5, pp. 28–39.
3. Blyakher L.E., Pegin N.A. Birobidzhan: mezhdru “potemkinskoj derevnei” i natsion-building [Birobidzhan: between “Potemkin village” and nation-building]. *Politiya – Politeia*, 2011, no. 1 (60), pp. 117–134.
4. Brovko P.F., Ponomarev S.A. G.I. Nevel'skoj: Amurskaya ekspeditsiya i reshenie pograničnogo voprosa na vostoce Rossii [Amur expedition and solution of frontier problem in the East of Russia]. *Vestnik Dal'nevostočnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk – Bulletin of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 6, pp. 257–267.

5. Vakhitov R. *Natsional'nyi vopros v soslovnom obshchestve. Etnososlaviya sovremennoi Rossii* [The national question in the class society. Ethno-conditions of modern Russia]. Moscow, Strana OZ Publ., 2016. 224 p.
6. Datsyshen V.G., Modorov N.S. Iz istorii osvoeniya Russkim gosudarstvom Priamur'ya v pervoi polovine XVII veka [From of history subjugation of Russian state the region of Amur in the first of half XVII century]. *Mir Evrazii – The World of Eurasia*, 2012, no. 2–4, pp. 72–78.
7. *Doklad o migratsionnoi situatsii v Evreiskoi avtonomnoi oblasti, osnovnykh rezul'tatakh deyatelnosti OFMS Rossii po Evreiskoi avtonomnoi oblasti za 2015 g.* [Report on the migration situation in the Jewish Autonomous Region, the main results of the Federal Migration Service of the Russian Federation for the Jewish Autonomous Region in 2015]. Biro-bidzhan, OFMS Rossii po Evreiskoi avtonomnoi oblasti Publ., 2016. 41 p.
8. *Doklad o razvitií chelovecheskogo potentsiala v Rossiyskoi Federatsii. 1995.* [National human development report. Russian Federation. 1995]. Moscow, Academia Publ., 1996, pp. 58–67. (In Russian).
9. *Doktrina razvitiya Severo-Zapada Rossii* [The Doctrine of development of the North-West of Russia]. St. Petersburg, Corvus Publ., 2001. 36 p.
10. Dregalo A.A., Ul'yanovskii V.I., Bryzgalov V.V., Krikunenkov V.I., Shekhina T.P. *Sotsial'nyi potentsial regiona kak faktor razvitiya severnykh territorii* [Social potential of the region as a factor in the development of northern territories]. Arkhangel'sk, Northern State Medical University Publ., 2008. 400 p.
11. Dyatlov K.I. Sindrom “zheltoï opasnosti” v dorevolutsionnoi Rossii: ekzotizatsiya kak mekhanizm degumanizatsii i isklucheniya [The syndrome of “yellow danger” in pre-revolutionary Russia: exotification as a mechanism of dehumanization and exclusion]. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [The transplant society of Asian Russia: migration, space, communities]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2013, pp. 526–555.
12. Law of the RSFSR of April 26, 1991 N 1107-I “On the Rehabilitation of Repressed Peoples” (with amendments and additions). *Guarantor: the information-legal support*. (In Russian). Available at: <http://base.garant.ru/10200365/#ixzz5RYeDH5SF> (accessed 23.10.2018).
13. Kazantsev V.P. Rossiiskaya imperiya na Tikhom okeane. Dal'nevostochnaya administrativnaya politika pravitel'stva v 50–70-e gg. XIX v. [The Russian Empire in the Pacific. The Far Eastern administrative policy of the government in the 50–70s of the XIX century]. *Klio*, 2012, no. 6 (66), pp. 61–68. (In Russian).
14. Kal'mina T.V. *Evreiskie obshchiny Vostochnoi Sibiri (seredina XIX veka – fevral' 1917 g.)*. Diss. dokt. ist. nauk [Jewish communities of Eastern Siberia (mid19th century, February 1917)]. Dr. in History diss.]. Irkutsk, 2003. 585 p.
15. Karanov D.P. Migranty i prinimayushchee obshchestvo: kul'turnyi aspekt mezhetnicheskikh otnoshenii v gorodskoi srede [Migrants and the host society: the cultural aspect of interethnic relations in the urban environment]. *Politiya – Politeia*, 2013, no. 1 (68), pp. 24–35.

16. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [Constitution of the Russian Federation]. *Zakonodatel'naya baza Rossiiskoi Federatsii* [Legislative base of the Russian Federation]. Available at: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (accessed 23.10.2018).
17. Kordonsky S.G. Variant ischisleniya administrativnykh vesov v ispolnitel'skoi i predstavitel'skoi ierarkhiyakh vlasti [The version of the calculation of administrative weights in the executive and representative hierarchies of power]. *Kentavr – Centaur*, 1995, no. 2–3.
18. Kordonsky S.G. *Rynki vlasti: administrativnye rynki SSSR i Rossii* [The power markets: the administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow, OGI Publ., 2000. 240 p.
19. Kordonsky S.G. *Tsikly deyatel'nosti i ideal'nye ob'ekty* [Cycles of activity and ideal objects]. Moscow, Pantori Publ., 2001. 176 p.
20. Kordonsky S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoï Rossii* [Class structure of post-Soviet Russia]. Moscow, Obshchestvennoe mnenie Publ., 2008. 213 p.
21. Kordonsky S. *Veernye matritsy kak instrument postroeniya ontologii* [Fan matrices as a tool for constructing ontologies]. Washington, Yugo-Vostok Publ., 2011.
22. Kordonsky S.G. Plyusnin Yu.M., Morgunova O.M. Obuchenie nablyudeniem: studenty v issledovatel'skom protsesse [Education supervision: students in the research process]. *Voprosy obrazovaniya – Education Studies*, 2010, no. 4, pp. 54–69. (In Russian).
23. Kostyrchenko G.V. *Tainaya politika Stalina: vlast' i antisemitizm* [The secret policy of Stalin. Power and anti-Semitism]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2003. 784 p.
24. Kostyrchenko G.V. Proekt 1944 goda “Evreiskaya respublika v Krymu”: legendy i realii [The 1944 project “The Jewish Republic in the Crimea”: legends and realities]. *Istoricheskie chteniya na Lubyanke, 2007* [Historical readings on the Lubyanka. 2007]. Moscow, Kuchkovo pole, 2008, pp. 144–161.
25. Leksin V.N., Shvetsov A.N. *Gosudarstvo i regiony: teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya* [The state and regions. Theory and practice of state regulation of territorial development]. Moscow, URSS Publ., 2000. 368 p.
26. Mishchuk S.N. Sovremennyye migratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke (na primere Evreiskoi avtonomnoi oblasti) [Modern migration processes in the Far East (by the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, 2011, no. 1, pp. 50–57.
27. Mishchuk S.N. Vnutrennyaya i mezhdunarodnaya migratsiya na rossiiskom Dal'nem Vostoke sere diny XIX v. – nachala XXI v.: faktory, dinamika, rezul'taty [Internal and international migration in the Russian Far East in the mid-19th century – the beginning of the XXI century: factors, dynamics, results]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 2013, no. 6, pp. 33–42. (In Russian).
28. Mishchuk S.N. *Migranty i prinimayushchee soobshchestvo: regional'nyi aspekt (na primere Dal'nego Vostoka Rossii)* [Migrants and the host community: a regional dimension (exemplified by the Russian Far East)]. Birobidzhan, IKARP FEB RAS, 2014. 218 p.

29. Mishchuk S.N. Osobennosti mezhdunarodnoi trudovoi migratsii iz Kitaya v Rossiyu (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga) [Features of international labor migration from China to Russia (on the example of the Far Eastern Federal District)]. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, 2014, no. 2, pp. 194–201.

30. Mishchuk S.N. Rossiisko-kitaiskoe sotrudnichestvo v sel'skom khozyaistve Dal'nego Vostoka Rossii [Russian-Chinese cooperation in the agriculture of the Russian Far East]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 2016, no. 1, pp. 38–48. (In Russian).

31. Motrich E.L., Naiden S.N. Mishchuk S.N. Demograficheskie realii i sotsial'nye perspektivy regionov Dal'nego Vostoka i Zabaikal'ya [Demographic realities and social perspectives of the regions of the Far East and Transbaikalia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii – Living standards in the regions of Russia*, 2015, no. 1 (195), pp. 84–94.

32. Mishchuk S., Taiorova M., Bepalova N. Pereselenie sootchestvennikov v Dal'nevostochnyi federal'nyi okrug: problemy i ikh resheniya [Compatriots' resettlement to the Far-Eastern Federal District: problems and their solutions]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*, 2014, no. 2, pp. 54–61.

33. *Natsional'nyi sostav naseleniya Rossiiskoi Federatsii* [Ethnic composition of the population of the Russian Federation]. Available at: https://docs.google.com/viewer?url=http%3A%2F%2Fwww.perepis2002.ru%2Fct%2Fdoc%2FTOM_04_01.xls (accessed 24.10.2018).

34. Shelekhov A.M., ed. *Osnovnye polozeniya strategii ustoichivogo razvitiya Rossii* [Basic provisions of the sustainable development strategy of Russia]. Moscow, Nauka, 2002. 161 p.

35. Ostrovskiy Yu. *Sibirskije evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg, 1911. 62 p.

36. *Ofitsial'nyi portal organov gosudarstvennoi vlasti Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [The official portal of public authorities of the Jewish Autonomous Region]. Available at: <http://www.eao.ru/o-eao/eao-v-tsifrakh-/> (accessed 24.10.2018).

37. Plyusnin Yu.M. Mnogoobrazie prostoty: sistemy zhizneobespecheniya sel'skogo naseleniya Rossii v period krizisa obshchestvennoi zhizni [The variety of simplicity: the life-support systems of the rural population of Russia during the crisis of social life]. *Etnosotsial'nye protsesy v Sibiri* [Ethnosocial processes in Siberia]. Novosibirsk, 2000, iss. 3, pp. 63–68.

38. Primak P.V. *Vozrozhdenie evreiskoi kul'tury v Evreiskoi avtonomnoi oblasti v kontse XX – nachale XXI vv.* [The revival of Jewish culture in the Jewish Autonomous Region at the end of the XXth century – beginning of the XXI century]. Birobidzhan, FGMA Publ., 2006. 81 p.

39. Prokopalo O.M. Regionalnyye sravnitelnyye potentsialy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Regional comparative potentials of social and economic development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya – Regional Research of Russia*, 2000, no. 2, pp. 146–155.

40. Komarov M.A., Romanov A.N., ed. *Resursnyi potentsial ekonomicheskogo rosta* [Resource potential of economic growth]. Moscow, Put' Rossii Publ., 2002. 567 p.

41. Romanova V.V. *Evrei na Dal'nem Vostoke Rossii (II pol. XIX v. – 1 chetv. XX v.)* [Jews in the Far East of Russia (II half of the XIX century – 1st quarter of XX century)]. Khabarovsk, Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 2000. 256 p.
42. Romanova R.E., Klyueva V.P. *Evrei* [Jews]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Irkutsk, 2009. Available at: http://irkipedia.ru/content/evrei_istoricheskaya_entsiklopediya_sibiri_2009 (accessed 24.10.2018).
43. Samoukin A.I. O sodержanii ponyatiya “potentsial obshchestva” [On the content of the concept of “the potential of society”]. *Metodologiya statisticheskogo izucheniya sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala* [Methodology of statistical study of socio-economic potential]. Moscow, Ekonomika Publ., 1986, pp. 5–12.
44. *Sibir: atlas Aziatskoi Rossii* [Siberia. Atlas of Asian Russia]. Novosibirsk, Moscow, Feoriya Publ., 2007. 720 p.
45. Solovchenkov S.A. Selo yuga Dal'nego Vostoka: posledstviya 20 let preobrazovaniya [Village in the south of the Far East – consequences of 20 years of change]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – RSUH/RGGU Bulletin*, 2014, no. 4, pp. 99–107.
46. Solovchenkov S.A., Blyakher L.E. Spetsifika transformatsii rynka truda depressivnogo regiona (na primere Evreyskoy avtonomnoy oblasti) [Peculiarities of transformation processes of the labour market in the period of economic reforms (on the example of the Jewish autonomous region)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika – Vestnik of St. Petersburg State University. Series 12. Psychology, Sociology Pedagogy*, 2009, iss. 1, pt. 2, pp. 134–147.
47. Solov'ev F.V. *Kitaiskoe otkhodnichestvo na Dal'nem Vostoke Rossii v epokhu kapitalizma (1860–1917 gg.)* [Chinese patrimony in the Russian Far East in the era of capitalism (1860–1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 127 p.
48. Stalin I.V. Marksizm i natsional'nyi vopros [Marxism and the national question]. Stalin I.V. *Sochineniya* [Consolidations]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1946, vol. 2, pp. 290–367.
49. Timofeev O.A. *Rossiisko-kitaiskie otnosheniya v Priamur'e (ser. XIX – nach. XX vv.)* [Russian-Chinese relations in the Amur Region (in the mid-19th and early 20th centuries)]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2003. 307 p.
50. Filippov R.V. Stalinskaya “teoriya natsii”. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya “sovetskoi teorii etnosa” [Stalin’s “theory of the nation.” Theoretical and methodological foundations of the “Soviet theory of ethnos”]. Filippov R.V. “*Sovetskaya teoriya etnosa*”: *istoriograficheskii ocherk* [“Soviet theory of ethnos.” Historiographical sketch]. Moscow, Institut Afriki RAN Publ., 2010, ch. 1, pp. 10–45.
51. Tsutsiev A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the ethno-political history of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 128 p.
52. Shumakher P.V. K istorii priobreteniya Amura. Snosheniya s Kitaem s 1848 po 1860 god [To the history of the acquisition of the Amur. Relations with China from 1848 to 1860]. *Russkii arkhiv* [Russian archive]. St. Petersburg, 1878, vol. 11, pp. 267–352.

Available at: <http://www.runivers.ru/bookreader/book406320/#page/351/mode/1up> (accessed 24.10.2018).

53. Eisenstadt S. *Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations*. New York, Free Press, 1978 (Russ. ed.: Eizenshtadt Sh. *Revoljutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1999. 416 p.).

54. Yukhneva N. Mezhdru traditsionalizmom i assimilyatsiei (o fenomene russkogo evreistva) [Between traditionalism and assimilation (on the phenomenon of Russian Jewry)]. *Diaspory – Diasporas*, 1999, no. 1, pp. 160–178.

55. Eisenstadt S.N. *Von Generation zu Generation: Altersgruppen und Sozialstruktur*. München, Juventa, 1966. 367 p.

56. Jensen A.R. *The g factor: the science of mental ability. Human evolution, behavior, and intelligence*. Westport, Conn., London, Praeger, 1998. 664 p.

57. Griffin K., Knight J., ed. *Human development and the international development strategy for the 1990s*. London, Palgrave MacMillan UK, 1990. 258 p.

58. MacDonald K. Indoctrination and group evolutionary strategies: the case of Judaism. *Ethnic conflict and indoctrination: altruism and identity in evolutionary perspectives*. Ed. by I. Eibl-Eibesfeldt, F.K. Salter. New York; Oxford, Berghahn Books, 1998, pp. 345–368.

59. Spangenberg J.H. Economic sustainability of the economy: concepts and indicators. *International Journal of Sustainable Development*, 2005, vol. 8, no. 1–2, pp. 47–64.

The article was received on 08.04.2018.

The article was reviewed on 16.05.2018.